

ЧЕЛОВЕК

Иллюстрированный
научно-популярный журнал

Выходит 6 раз в год

Журнал основан в 1990 году
академиком И.Т. Фроловым

№ 6 (ноябрь — декабрь)

Учредитель:
Российская академия наук,
Президиум

“Наука”

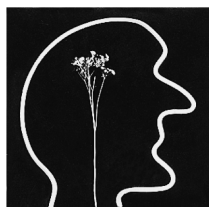
СОДЕР

Человекознание: история, теория, метод

Эволюция: вектор и траектории
А.А. Пелипенко 5

Гены забытых предков
Е.Я. Тетушкин 18

Трансдисциплинарность в философии и науке.
Материалы круглого стола 33

Перспективы гуманизма

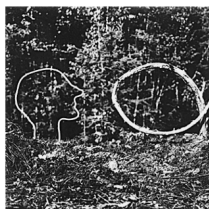
“Генетизация” общества: технологии и интересы
Е.С. Богомякова 45

Откуда и куда

Война до истории
Л.Б. Вишняцкий 59

Авторитарная личность в США и России:
сдвиги за четверть века
Н.П. Попов 75

Экзистенция праздности
В.Е. Петров 86

Мера всех наук

Рассказы о себе в России XVIII века
как социальные практики.
(Опыт построения классификации)
Ю.П. Зарецкий 103

Из фондов культуры

Толстой. Репин. От портрета к мифу
И.Ю. Матвеева 116

ЖАНИЕ

Лицо человеческое

- 130 Росчерк пера: case study или психологический нарратив?
В.И. Кравченко

Судьба

- 144 Запретам вопреки
Неизвестный, Данте и Достоевский
145 *А.М. Кулькин*
162 Письма в Академию наук

Гуманитарная хроника

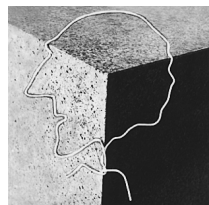
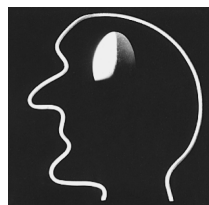
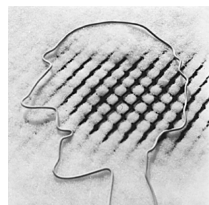
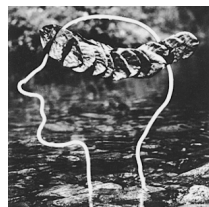
- 165 Институциональные и экзистенциальные
контуры выбора
С.М. Малков

Листая новые страницы

- 173 Страсти по тезисам о предмете философии
(1954–1955) / авт.-сост. Е.Э. Иллеш. М., 2016
С.Н. Корсаков
178 Пронин М.А. Экзистенция: забытый Чернобыль.
Записки ликвидатора. М., 2016
А.А. Воронин

85 Новые книги

- 182 Указатель статей, опубликованных в 2016 году
185 Аннотации и ключевые слова публикуемых статей
190 Содержание на английском языке
192 К сведению авторов

Журнал издается под руководством Президиума РАН

Редакционный совет:

<i>академик</i>	Велихов Е.П.
<i>академик</i>	Иванов В.В.
<i>академик РАО</i>	Лиханов А.А.
<i>академик</i>	Янин В.Л.

Редакционная коллегия:

<i>член-корреспондент РАН</i>	Юдин Б.Г., главный редактор
<i>кандидат психологических наук</i>	Авдеева Н.Н.
<i>доктор философских наук</i>	Артемьева Т.В.
<i>доктор философских наук</i>	Борзенков В.Г.
	Воробьев С.Л.
<i>академик</i>	Гусейнов А.А.
<i>доктор философских наук</i>	Диев В.С.
<i>доктор исторических наук</i>	Дробижева Л.М.
<i>доктор психологических наук</i>	Знаков В.В.
<i>кандидат философских наук</i>	Мануильский М.А., зам. гл. редактора
	Островская Г.В., отв. секретарь
<i>академик</i>	Петров Р.В.
	Резниченко Л.А.
<i>академик РАО</i>	Рубцов В.В.
<i>академик</i>	Степин В.С.
<i>академик</i>	Тишков В.А.
<i>доктор физико-математических наук</i>	Тропп Э.А.
<i>академик</i>	Чельшев Е.П.

Над номером работали:

	Буторина В.В.
	Малков С.М.
	Марабанец С.М.
	Махиянова Е.Б.
	Мышко Т.Л.
	Щадилова К.А.
<i>зав. отделом оформления</i>	Юрчевская Г.Н.
<i>техническое редактирование и верстка</i>	Нефедова Г.О.

РАССКАЗЫ О СЕБЕ В РОССИИ XVIII ВЕКА КАК СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ (ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ)

© 2016

Ю.П. Зарецкий

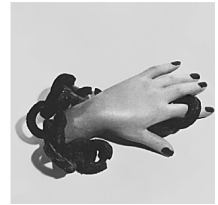
Наша литература XVIII века, сравнительно с другими, бедна записками современников, и этот недостаток налагает на нас обязанность дорожить как этими памятниками, так и всем тем, что может дополнить или объяснить их.

П.П. Пекарский [8, с. 55]

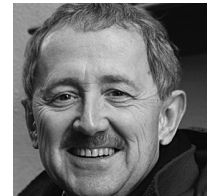
Русские автобиографические сочинения XVIII века: известные, малоизвестные и совсем неизвестные

Русский XVIII век оставил нам значительное число сочинений автобиографического содержания, и сегодня о них известно гораздо больше, чем во времена П.П. Пекарского¹. Некоторые из этих сочинений, созданные авторами, что принадлежали к интеллектуальной элите и/или правящей верхушке, и обладающие литературными достоинствами, не раз переиздавались. Другие, безыскусно повествующие о жизни “обыкновенного человека” (представителей мелкопоместного дворянства, чиновничества, духовенства, купечества, крестьянства), в большинстве своем либо опубликованы в малотиражных изданиях позапрошлого века, либо до сих пор остаются неизданными. А сотрудники Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и исследователи, хорошо знакомые с его фондами, не устают повторять, что через их руки проходят тысячи никому, кроме них, не известных личных свидетельств, созданных “маленькими людьми”.

Между тем последние два-три десятилетия отмечены заметным ростом интереса к ранним русским автобиографическим текстам — как профессионального сообщества, так и широкой

**МЕРА ВСЕХ
НАУК**

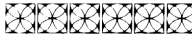
**Зарецкий
Юрий
Петрович** —

доктор исторических наук, профессор факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. В журнале “Человек” опубликовал статью “Рудольф Деккер, историк” (2016. № 5). E-mail: yzaretsky@hse.ru

Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 16-05-0001) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2016 году с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов РФ в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

¹ См. на с. 104.

103

публики. Свидетельством тому, помимо десятков книг и сотен статей², служат многочисленные публикации сочинений мемуарно-автобиографического характера. Здесь можно назвать серию “Россия в мемуарах” издательства “Новое литературное обозрение” и публикации в выходящем с 1991 года альманахе “Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX веков”. Примером роста общественного внимания к рассказам русских людей о себе может служить и появление любительских интернет-ресурсов, содержащих полнотекстовые версии автобиографий, мемуаров и дневников [13; 14; 12].

Рост автобиографической продукции в России XVIII века и его причины

Не раз отмечавшееся исследователями стремительное увеличение числа автобиографических свидетельств с началом Петровских реформ в России было связано с вызванными этими реформами глубокими социальными и культурными переменами. В частности, с изменением социального состава российского общества, распространением грамотности, развитием писцового дела, науки, увеличением тиражей и разнообразия печатной продукции, изучением иностранных языков и тем, что ныне обозначают понятием “трансфер европейской культуры”. Очевидно, что приведенный перечень далеко не исчерпывающий, как и то, что в исторической действительности XVIII века социальные процессы, способствовавшие появлению автобиографических свидетельств, были тесно связаны и взаимообусловлены. Рассмотрим в качестве примера один из них — рождение новой модели образования и воспитания российской знати.

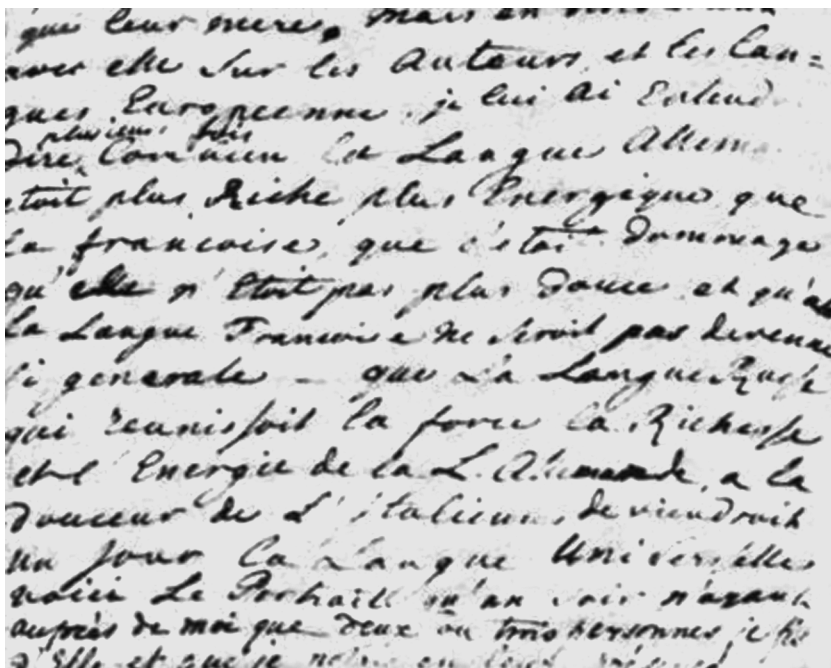
На том, что русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII века появилась под влиянием упомянутой модели, настаивал еще П.П. Пекарский. Основываясь на “записках” русских людей, он нарисовал выразительную картину того, как новые “способы и методы воспитания” стимулировали появление данной литературы [8, с. 57].

До начала XVIII столетия, отмечал исследователь, “все образование заключалось почти исключительно в твердом познании Священного Писания” [там же, с. 60]. Положение дел стало меняться только после того, как Петр I начал отправлять дворянских отпрысков учиться за границу и возникла мода приглашать иностранных гувернанток и гувернеров в дома русской знати — “в высших и средних слоях общества явилась потребность воспитывать так, как это заведено было в других европейских государствах” [там же, с. 83]. В результате сложилось своеобразное представление о должном образовании дворянина, в котором место чтения Священного Писания на церковнославянском заняло изучение иностранных языков (в основном французского)³. Результаты реализации новой образовательной модели ока-

¹ Пекарский Петр Петрович (1827–1872), исследователь русской литературы и истории, библиограф, академик.

² См., напр., диссертационные исследования общего характера: [1; 15].

³ Сегодня о франкофонии в России XVIII — середины XIX века имеется обширная литература. См., в частности, новейшие исследования в сборнике [18] и подборку статей [19].

Ю. Зарецкий
Рассказы о себе
в России
XVIII века как
социальные
практики

Фрагмент
рукописи мемуаров
Е.Р. Дашковой
(1743–1810)

зались настолько радикальными, что спустя несколько десятилетий верхушка дворянства (во всяком случае, его часть) стала знать французский лучше родного русского. Так, вернувшийся в 1730 году в Россию из Парижа В.К. Третьяковский некоторое время писал по-русски со многими галлицизмами. Е.Р. Дашкова же, в 16 лет выйдя замуж и переехав в 1760 году в Москву в дом мужа, столкнулась с неожиданной трудностью: "...говорила очень дурно по-русски, и к моему затруднению, свекровь моя не знала никакого другого языка" [цит. по: 8, с. 78]. Именно это обстоятельство, по свидетельству Екатерины Романовны, и понудило ее учить родной язык.

Разумеется, новая образовательная модель встречала сопротивление, а "люди небогатые, лишённые способов и возможности подготавливать детей дома, заботились только о том, как бы поскорее записать их в службу" [там же, с. 82]. Однако такое отношение не могло изменить общую тенденцию. Как заключает историк, "в XVIII веке у нас смотрели на иностранные языки (особливо на французский) не как на средство, но как на цель, а самое образование вовсе не было насущною потребностью, были только нужны люди, которые могли бы, по мере сил и возможности, приводить в исполнение идею Петра Великого — сближение России с Европою" [там же, с. 84].

Механизмы, с помощью которых названный способ сближения с Европой оказывал влияние на появление мемуарно-автобиографической продукции, нетрудно представить: литературные образцы, по которым русские дворяне учились иностранному языку (значительную их часть составляли письма

и дневники), стали моделями для их собственных литературных упражнений. Показателен в этом смысле тот факт, что в конце XVIII — первой половине XIX века в России появился целый корпус сочинений на французском языке [см.: 3], часть которого составили дневники и воспоминания, написанные в полном соответствии с тогдашними французскими жанровыми канонами⁴. Впрочем, французские сочинения не были единственным образцом для русских дворян: жизнеописания Б.И. Куракина, А.Т. Болотова и других авторов XVIII века свидетельствуют, что европейски образованные русские люди были знакомы также с немецкой, английской и итальянской мемуарно-автобиографической прозой.

Традиционные способы систематизации автобиографических свидетельств, их критика и новые предложения

Осмысление разнообразия и систематизация корпуса русских автобиографических свидетельств XVIII века (как, впрочем, и западноевропейских) представляют большие трудности, ведь они очень отличаются друг от друга не только по содержанию, но и по форме, размеру и стилю. Наиболее распространенной является литературоведческая классификация, основанная на принадлежности автобиографических текстов к тому или иному жанру (автобиография, дневник, мемуары, письма, путевые заметки). Одновременно используется и другая, в основе которой лежит отнесение авторов к той или иной социальной группе (государственный деятель, генерал, княгиня, дворянка, купец, помещик, священник, чиновник, крестьянин). Однако обе классификации малоинформативны. Главный недостаток первой состоит в том, что она не принимает в расчет огромный массив сочинений, не обладающих значимой литературно-эстетической ценностью. Во второй же социальной принадлежности авторов не имеет прямой связи с формой их нарративов (дворянка или чиновник, например, могли создавать как дневники, так и автобиографии, путевые заметки и т.д.).

В последнее время исследователями предложены новые способы осмысления автобиографических свидетельств, основанные на иных принципах. В большинстве случаев эти способы разработаны на западноевропейском материале раннего Нового времени, однако вполне могут быть применимы и к русским реалиям. Один из таких способов предлагает акцентировать внимание на том, что автобиографические тексты по сути своей есть специфические коммуникативные акты, происходившие в конкретных исторически и социально обусловленных ситуациях. А поскольку подобные ситуации воспроизводились и повторялись, то автобиографические тексты предлагается рассматривать как особого рода социальные практики⁵.

⁴ Исследование о дневниках русских дворянок на французском языке, а также их публикацию см.: [20].

⁵ Взгляд на автобиографические тексты как на продукты, порожденные конкретными условиями социальной действительности, конечно, не нов, в особенности когда речь идет о домодерной Европе. Исследователями выделены в отдельные группы домашние хроники и записные книжки, которые флорентийские пополапы XV–XVI веков адресовали своим потомкам, протестантские свидетельства религиозного пробуждения, рассказы подсудимых на инквизиционных процессах и т.д. (см., напр: [25; 24; 17]). Однако до недавнего времени эти тексты почти исключительно рассматривались как специфические исторические источники либо как формы, предшествующие современному автобиографическому жанру.

Ю. Зарецкий
Рассказы о себе
в России
XVIII века как
социальные
практики

Б.И. Куракин
(1676–1727),
автор сочинения
“Жизнь князя
Бориса Куракина
им самим
описанная”.
Гравюра Питера
ван Гунста
(1658/9–1732)

Теоретический подход, который условно можно обозначить формулой “автобиографии как социальные практики”, впервые был разработан Г. Янке на материале немецкоязычных сочинений женщин раннего Нового времени [21]. Впоследствии немецкая исследовательница выдвинула гипотезу о применимости подхода для изучения личных свидетельств также и более позднего периода [22, р. 71; см. также 23]. Чтобы лучше осмыслить документы такого рода, Янке предложила сосредоточить внимание на самой ситуации написания текста, на процессе коммуникации, “на *времени, в котором писали авторы, а не на времени, о котором они писали*” [22, р. 67]. В этом случае, полагает исследовательница, автобиографические свидетельства выступают как поступки, совершенные их авторами, а сами авторы — не как абстрактные индивиды (что считается само собой разумею-

МЕРА ВСЕХ НАУК

Портрет
Н.Б. Долгоруковой
неизвестного
художника
середины
XVIII века

щимся при традиционном взгляде), а как общественные существа, принадлежащие конкретной социальной, профессиональной, религиозной, гендерной группе и действующие внутри определенных социальных контекстов и связей. Такое изменение перспективы приводит к принципиально важным историческим, методологическим и теоретическим последствиям. “Во-первых, — утверждает Янке, — мы больше не можем продолжать рассказывать историю рождения западного индивида (по крайней мере, в связи с автобиографическими сочинениями). Во-вторых... мы должны будем рассматривать контексты, ситуации и стратегии. В-третьих... такой подход будет также иметь последствия для нашего понимания автобиографии как литературного жанра, являющегося частью широкого поля различных способов автобиографического письма и непосредственно включенного в важные социальные связи” [ibid., p. 71].

Предварительные наброски

Если, применив формулу Г. Янке, попытаться обозначить социальные практики, порождавшие автобиографизм в России XVIII века, то можно убедиться, что их перечень доста-

Како скоро вы с Моею поехали с
талаея и воуражание пришло на Моея умы
ниа итати септгощенна сьла тьлава
Моя бѣлапокири мьсла ми каодалоэ то
уоде сь тои тьлостеи кѣ оуомае кляий
нѣно на зелье сьже бѣлапокири мьсла рѣ
сиптѣ пришло мие на Моемъ то вы
всетае Моея провали то сь по сьбѣ сь
та вика на Моемъ оуомае то мие
мие сьудило вѣ оуири Моеи до токиова
метти и каи мѣ сьрѣстбо мѣ и оуири про во
дла хатт ака сьбавѣ бѣстбо мѣ и доуи
а дуало воуа до стбавѣ воще хадѣ воще
тѣлѣ уопѣшитѣ и оуомае воще мѣ
дѣобѣстѣ и по мѣитѣ когда тѣо бу
дѣитѣ сьбѣ уоуа и сьлабостѣ Моего
оуомае доуитѣ хатт и мѣоу
Много писатѣ но воще прощѣ мѣ

Ю. Зарецкий
Рассказы о себе
в России
XVIII века как
социальные
практики

Первая страница
“Своеручных
записок”
Н.Б. Долгоруковой
(1714–1771)

точно пространен. Помимо дневников и мемуаров, написанных российскими вестернизированными аристократами и аристократками, в него войдут: автобиографические “сказки”, так необходимые для установления личности человека (принимаемого на службу, подсудимого в ходе дознания, и т.д.); наставления глав семейств разных сословий, обращенные к их детям и внукам; письменные свидетельства очевидцев о важных исторических событиях, призванные запечатлеть их в памяти будущих поколений; описания собственного жизненного пути духовными лицами, наставляющие паству на путь истинный; завещания-уставы основателей монастырей, в которых автобиографическая часть служила увековечиванию их памяти; дневниковые записи помещиков, адресованные ближайшим потомкам и содержащие сведения о каж-

додневных хозяйственных делах вперемешку с делами семейными, политическими событиями и удивительными происшествиями. Некоторые из перечисленных практик в последнее время стали предметом живого интереса исследователей — в частности, становление автобиографической традиции в результате внедрения новой модели образования российской аристократии. Большинство же других до сих пор остаются без внимания. Остановимся на одной из них — составлении автобиографических “сказок”.

Подобная практика имеет в России давнюю традицию, начало которой восходит еще к допетровским временам. Документы, появившиеся в результате, можно считать первыми образцами той “делопроизводственной автобиографии”, которая до недавнего времени была обязательной частью личного дела служащих многих государственных и общественных организаций в России⁶.

Начиная, по крайней мере, с XVII века автобиографические “сказки” были способом идентификации личности различных категорий населения, вступавших в те или иные отношения с государством: служилых людей, уголовных преступников, беглых крестьян [см., напр.: 5]. В большинстве случаев автобиографические “сказки” составлялись со слов человека писарем, нередко в присутствии государственных чиновников. Можно предположить, что писарь или чиновник задавал наводящие вопросы, определявшие структуру автобиографического рассказа. Последняя в качестве обязательных компонентов обычно включала сведения о месте рождения и возрасте рассказчика, его родителях, сословной принадлежности, роде занятий, предшествующей службе, наличии земельных владений и крепостных. С началом Петровских реформ составление “сказок” приобрело массовый характер и распространилось на большую часть служилых людей. Во всяком случае, в XVIII веке общепринятый протокол документооборота требовал их от офицеров [10; 4; 16], студентов Московского университета, чиновников, дворян. Причем те, кто знал грамоту, писали их вручную, приближая тем самым “сказки” к нашим современным представлениям об автобиографии.

Два примера

Одним из первых известных примеров развернутой делопроизводственной автобиографии можно назвать “сказку” 1733 года будущего “малороссийского летописателя” *Степана (Стефана) Васильевича Лукомского* (1701–1779) [6, с. 477–485]. Скорее всего, “сказка” была составлена в связи с назначением Лукомского на должность помощника генерального писаря Генеральной войсковой канцелярии. В формальном отношении это то, что обычно подразумевают под автобиографией: ретроспективная история о событиях жизни человека, рассказанная

⁶ Об этих документах досоветского периода, хранящихся в архивах, см.: [11].

им самим. Отличие состоит лишь в том, что записана она не самим Лукомским, а с его слов. Вот ее начало: “1733 году, августа 29 дня, в генеральной войсковой канцелярии Стефан Лукомский сказкою показую: нациею я малороссиянин, веры христианской, благочестивого греческаго исповедания, лет от роду мне тридцать два. Родился я за Днепром, в украинском городе Умани, под высочайшою державою их императорского величества...” [там же, с. 479].

Дальше в “сказке” Степан Лукомский сообщает подробные сведения о своих предках, их земельных владениях и нелегких судьбах, неизменно заверяя в том, что его предки верой и правдой служили Российскому государству: “Дед мой Иван Лукомский и прадед (имени его не помню), козаки, родились полку лубенского, в местечку Лукомле, и тамо они имели свои грунта [земли], только жтые грунта, во время войны гетмана Богдана Хмельницкого с ляхами и ради других в тех старих годах беспокойств, отошли в другие владения. Тако ж оные дед и прадед мой имели свои грунта за Днепром в городе и около города Умани, помежние с Скоропадскими, из которых и гетманом малороссийским Иван Иллеч Скоропадский был; також с Кочубеями... и с другими бывшими тамо за Днепром владельцы. И дед мой Иван Лукомский, за тогдашними беспокойствию, из Лукомля перейшол в Полтаву и тамо в Полтаве сплодил отца моего Василья; а когда дед мой Иван Лукомский умре, а бабку мою Анну взял в жену Андрей Гайдук, а отец мой Васыль малолетен остался, и тогда Андрей Гайдук, отца моего отчим, на прадедизние и дедизние отца моего и на свои грунта перешол за Днепръ и жил на своих козачих грунтах в город Умани с отцем моим до турецкой под тим городом бывшой войны в козацкой службе...” [там же, с. 479–480].

После рассказа о предках Лукомский повествует о времени своего обучения — сначала в Киеве, где “латинские проходил школы”, а потом в Польше, где он претерпел преследования “за благочестие греческого исповедания”. Болезнь, по словам Лукомского, надолго задержала его на чужбине и по возвращении в Киев он поступил на государеву службу [там же, с. 482–483]. Далее следует обстоятельное описание прохождения им службы, сопровождающееся частыми заверениями о его преданности государыне-императрице: “А в начале 1731 году, генваря в первых числах... я нижайший, природный ея императорского величества подданный и родимец малороссийский, в генеральную войсковую канцелярию принят и в той канцелярии, в деле ея императорского величества, верно и безпорочно служа... в 1732 году ея-ж императорскому величеству я подданныйчесную верность присягал-же. А сего 1733 году марта 14... учрежден я быть в той же войсковой генеральной канцелярии старшим канцеляристом, и с бытия в оной канцелярии, даже до получения высокоповелитель-

нейшого ея императорского величества указу... служил я ея императорскому величеству со всякою верностью и ревностию без жадного порока, о чом дела ея императорского величества, в той-же канцелярии имеючиеся, по указам е. и. в. верного службою моего произвождение..." [там же, с. 484]. Заканчивается это автобиографическое свидетельство подписью рассказчика, заверенной писарем: "К сей сказки Стефан Лукомский руку приложил" [там же, с. 485].

Примечательно, что этот рассказ был частью личного дела Лукомского, которое производилось в 1733–1734 годах и включало также показания разных лиц, подтверждавшие правдивость сообщенных им сведений. Помимо показаний оно содержало характеристику, заверенную подписями двух представителей Генеральной старшины, в которой констатировалось, что Лукомский — "человек добрый, верный и к ея императорскому величеству не подозрительный и в службах е. и. в-ству быть достоин, годен и потребен" [там же, с. 478].

Для характеристики "жанра" русской делопроизводственной автобиографии XVIII века не менее показательны и два текста, написанные полстолетия спустя — уже собственноручно — *Александром Васильевичем Суворовым* (1730–1800). В большей степени лично окрашен первый из них, датированный 22 сентября 1786 года и отправленный автором вместе с прошением о внесении его фамилии в родословную книгу дворян Московской губернии и другими документами в Московское дворянское депутатское собрание⁷.

Как и Лукомский, Суворов начинает его со сведений о происхождении, затем приводит исчерпывающие данные о своих поместных владениях (как унаследованных от отца, так и приобретенных им самим) с подробным указанием числа крепостных обоого пола. Потом он переходит к своему семейному положению: "В 774 [1774] году взял я в супружество Варвару Иванову, дочь Князя Ивана Андреевича Прозоровского, Генерала Аншефа и Кавалера; имею дочь Наталью, рожденную в 775 [1775] году и определенную, по Высочайшему Ея Императорского Величества повелению, в Воспитательный Дом благородных девиц в Санкт-Петербурге" [2, с. 3].

Дальше идет описание прохождения Суворовым воинской службы и его участия в сражениях — как нетрудно догадаться, они составляют большую часть этого автобиографического рассказа: "В службу я вступил пятнадцати лет, в 742 [1742] году, Лейб-Гвардии Семеновского полку мушкетером...". Помимо описаний многочисленных сражений с внешними врагами Империи, рассказ содержит и сообщение об усмирении Суворовым Пугачевского бунта. Здесь, в отличие от остальных случаев, Суворову приходится оправдываться за несправедливые, по его мнению, обвинения в жестокости: "И не стыдно мне сказать, что я на себя принимал иногда злодейское имя: сам не чинил нигде, ниже чинить повелевал, ни малейшей казни, раз-

⁷ В 1848 году этот текст публиковался трижды. В нашей статье он цитируется по изданию, подготовленному Д.П. Голохвастовым [2]. Вторая делопроизводственная автобиография Суворова от 28 октября 1790 года, также вместе с сопроводительными материалами, предназначалась для Военной коллегии при возведении его в графское достоинство с наименованием "Граф Суворов-Рымникский". Впервые опубликована в 1901 году [9].

Ю. Зарецкий
Рассказы о себе
в России
XVIII века как
социальные
практики

Первое издание
автобиографии
А.С. Суворова,
написанной
в 1786 году

ве гражданскую, и то одним безнравным зачинщиком, но усмирял человеколюбивою ласковостью, обещанием Высочайшаго Императорскаго милосердія” [там же, с. 17].

В автобиографический рассказ Суворова включены также сведения о его образовании (“Что до моих наук, они состоят в Математике, части Философії, Географіи, Гисторіи, языках: Немецком, Французском, Италианском, Польском, Турецком с малою частию Арабскаго и Персидскаго и Финском”

[там же, с. 18]) и подробный перечень милостей, полученных автором от Екатерины II, с отсылкой к соответствующим сопроводительным документам: “Я осыпан благоволениями Ея Императорского Величества, моей Всемиловитивейшей Монархини, моей Матери и Матери Отечества; о Ея ко мне щедротах прилагаю при сем копии с Ея Высочайших рескриптов...” [там же, с. 18–19].

Заключительные слова автобиографической записки не оставляют сомнений, что Суворов обращался в ней не только к членам Московского дворянского депутатского собрания, но и к собственным детям и внукам: “Потомство мое прошу брать мой пример: всякое дело начинать с благословением Божиим, до издыхания быть верным Государю и Отечеству, убежать роскоши, праздности, корыстолюбия и искать славы через истину и добродетель, которая суть моим символом. Не для суеты, но для онаго я в сие плодovitое описание вошел; некия произшествия я забыл и не помню верификациев чисел и имен, не имевши у себя никогда никаких записок. Старость моя наступает, и должен я о моих делах скоро ответ дать Всемогущему Богу” [там же, с. 19].

Это наставление явно сближает историю собственной жизни, отправленную Суворовым членам Московского дворянского депутатского собрания, с “настоящими” автобиографиями его времени. Примечательно в этой связи, что на шмуцтитуле одного из ее изданий 1848 года она так и была обозначена: “Автобиография графа Александра Васильевича Суворова-Рымникого” [7]. Похоже, это первое употребление неологизма “автобиография” в репертуаре русской печатной продукции.

Литература

1. *Антохов А.В.* Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII в.: Генезис, жанрово-видовое многообразие, поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. Брянск, 2003.
2. Биография Александра Васильевича Суворова, им самим написанная в 1786 году. М.: Унив. тип., 1848.
3. *Гречаная Е.П.* Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII — первая половина XIX века). М: ИМЛИ РАН, 2010.
4. *Калашников Г.В.* Учет офицерских кадров в русской армии в 1700–1745 гг. // Клио. 2000. № 3(12). С. 116–124.
5. *Коселева О.Е.* Беглые крестьяне в документах провинциальных учреждений России первой половины XVIII в. URL: <http://www.sgecr.co.uk/newsletter2015/kosheleva.html>.
6. *Лукомский С.В.* Автобиографическая “сказка” малороссийского летописателя Стефана Лукомского / сообщил О.И. Левицкий // Киевская старина. 1890. Т. 30, № 9. С. 477–485.
7. Очерк жизни и деяний графа Александра Васильевича Суворова-Рымникого. М.: Унив. тип., 1848.

8. Пекарский П.П. Русские мемуары XVIII века // Современник. 1855. Т. 50 (4).
9. Письма и бумаги Суворова из “Суворова Сборника” Императорской Публичной Библиотеки / издал В. Алексеев. Вып. 1. СПб.: Тип. А.А. Пороховщикова, 1901. С. 3–22.
10. Рабинович М.Д. Офицерские “сказки” и послужные списки начала XVIII в. // Актовое источниковедение: Сб. ст. М.: Наука, 1979. С. 108–122.
11. Романова С.Н., Глуховская И.И. Указатель видов документов, содержащих генеалогическую информацию (XVI в. — 1917 г.) // Вестн. архивиста. 1998. № 4 (46). С. 91–103; № 5 (47). С. 109–118; № 6 (48). С. 74–84; 1999. № 1 (49). С. 80–87; № 2–3 (50–51). С. 72–74.
12. Российские мемуары XVIII века. URL: <http://mikv1.narod.ru/>
13. Российский мемуарий. URL: <http://elcocheingles.com/>
14. Русские мемуары. URL: <http://memoirs.ru/>
15. Смирнова М.А. Мемуары и дневники Петербургских купцов конца XVIII — начала XX в. как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.
16. Татаринов К.В. Офицерские сказки первой четверти XVIII века: Полевая армия: Сб. документов: в 2 т. М.: Старая Басманная, 2015.
17. Amelang J. Tracing Lives: The Spanish Inquisition and the Act of Autobiography // Controlling Time and Shaping the Self: Developments in Autobiographical Writing since. 1750 / ed. A. Baggerman, R. Dekker, M. Mascuch. Leiden: Brill, 2011. P. 33–48.
18. European Francophonie: The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Foreign-Language / ed. V. Rjéoutski, G. Argent & D. Offord. Oxford, etc.: Peter Lang, 2014.
19. Foreign-Language Use in Russia during the Long Eighteenth Century // The Rus. Rev. 2015. Vol. 74. Issue 1. P. 1–68.
20. Gretchanaia E., Viollet C. Si tu lis jamais ce journal: Diaristes russes francophones 1780/1854. P.: CNRS, 2008.
21. Jancke G. Autobiographie als soziale Praxis. Beziehungskonzepte in Selbstzeugnissen des 15 und 16. Jahrhunderts. Köln: Böhlau Verlag, 2002.
22. Jancke G. Autobiography as Social Practice in Early Modern German-Speaking Areas: Historical, Methodological, and Theoretical Perspectives // Autobiographical Themes in Turkish Literature: Theoretical and Comparative Perspectives / ed. O. Akyildiz, H. Kara, B. Sagaster. Würzburg: Ergon Verlag, 2007.
23. Jancke G., Ulbrich Cl. From the Individual to the Person. Challenging Autobiography Theory // Mapping the ‘I’. Research on Self-Narratives in Germany and Switzerland / ed. by Cl. Ulbrich, K. von Greyerz and L. Heiligensetzer. Leiden; Boston: Brill, 2015. P. 15–33.
24. Lynch K. Protestant Autobiography in the seventeenth-century Anglophone world. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
25. Weiland Chr. “Libri di famiglia” und Autobiographie in Italien zwischen Tre- und Cinquecento (Studien zur Entwicklung des Schreiben subersichselbst). Tübingen, 1993.

Аннотации и ключевые слова публикуемых статей

Пелипенко А.А. Эволюция: вектор и траектории

Законы эволюции нельзя понять вне дифференциации горизонтального и вертикального направлений. Под горизонтальным эволюционированием понимаются изменения, ведущие к *адаптации и специализации* форм, тогда как эволюционирование вертикальное нацелено на внутрисистемные и кроссистемные ароморфозы, цель которых — достижение качественно нового уровня проявления глобальных эволюционных векторов. Векторы эти обнаруживают себя в неуклонной кумуляции таких параметров, как *сложность, дифференцированность, плотность эволюционного фронта и субъектность*.

Pelipenko A.A. Evolution: vector and trajectories

One can't comprehend the laws of evolution if one disregards the differentiation of the horizontal and vertical directions. "The horizontal evolution" refers to changes resulting in adaptation and specialization of forms, while the vertical evolution is aimed at intra- and cross-systemic aromorphoses whose purpose is to achieve a new level of manifestation of the global evolution of vectors. These vectors are revealed in the steady accumulation of parameters such as *complexity, differentiation, evolution front density and subjectness*.

Key words: evolution, vector of the evolution, progress, aromorphoses, aromorphoses vs adaptations

Тетушкин Е.Я. Гены забытых предков

Анализируется роль генеалогии и генетики в формировании личностных идентичностей. Рассматриваются концепции генеалогической идентичности и генетической идентичности. Обсуждается проблема соответствия между генетикой и генеалогией индивидов. Большое внимание уделяется философским аспектам генетической генеалогии — прикладной дисциплины, изменившей представления о личностной идентичности. Затронута тема трансформации идентичностей под воздействием социальных преобразований. Описаны способы конструирования генеалогических нарративов.

Ключевые слова: личностная идентичность, генетическая генеалогия, генеалогическая идентичность, генетическая идентичность, генетический эссенциализм, геномная идентичность, ризома, генеалогические нарративы.

Tetushkin E.Ya. Genes of Forgotten Ancestors

The article gives an analysis of the role of genealogy and genetics in personal identity formation. The concepts of a genealogical identity and genetic identity are considered. The problem of correspondence between individuals' genetics and genealogy is discussed. Much attention is paid to the philosophical aspects of genetic genealogy that is an applied discipline that has changed all the understanding of personal identity. The transformation of identities under the influence of social change is touched upon. The methods of constructing genealogical narratives are described.

Key words: personal identity, genetic genealogy, genetic essentialism, genomic identity, rhizome, genealogical narratives

Трансдисциплинарность в философии и науке: материалы Круглого стола

Публикация представляет собой обзор материалов Круглого стола, состоявшегося в марте 2016 года в Секторе методологии междисциплинарных исследований человека ИФ РАН. Он был посвящен обсуждению коллективной монографии “Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы”. Тема монографии — одна из востребованных, поскольку налицо усиление интеграционных тенденций в развитии научного знания, обусловленных как внешними по отношению к науке факторами, так и внутренними императивами.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, междисциплинарные исследования, научная дисциплина, биотехнологии, этос науки, проективность, постконсерватизм.

Transdisciplinarity in the philosophy and in the science: A round-table

The publication provides an overview of the materials of the Round Table, held in March 2016 in the IF RAN Sector of methodology of interdisciplinary research of Human being in order to discuss the monograph of the same name. The subject is one of the most topical since trends to transdisciplinarity in the development of scientific knowledge are now on the rise due to both extrascientific factors and internal imperatives of the science.

Key words: transdisciplinarity, interdisciplinary research, scientific discipline, bio-technologies, ethos of the science, projectiveness, post-conservatism.

Богомягкова Е.С. “Генетизация” общества: технологии и интересы

Рассматриваются социальные последствия “генетизации” общества, являющейся результатом распространения биотехнологий и расшифровки генома человека. Освещаются вопросы переопределения свободы выбора, прав, обязанностей и индивидуальной ответственности. В фокусе внимания оказываются проблемы генетической дискриминации. Исследуются особенности новых форм групповой сплоченности и социального активизма, основанных на генетической и биологической идентичностях.

Ключевые слова: биотехнологии, геном человека, “генетизация”, социальное неравенство, генетическое гражданство, права человека, генетический риск, генетическая ответственность.

Bogomyakova E.S. “Genetization” of society: technologies and interests

The article deals with the social consequences of “genetization” of society resulting from the proliferation of biotechnologies and decoding of the human genome. First, the issues of freedom of choice, human rights, obligations and individual responsibility are considered. Second, the problems of genetic discrimination are in the focus of our interest. Thirdly, we talk about the formation of communities, new forms of group cohesion and social activism, based on genetic and biological identities.

Key words: biotechnology, human genome, “genetization”, social inequality, genetic citizenship, human rights, genetic risk, genetic responsibility.

Вишняцкий Л.Б. Война до истории

Из письменных источников мы знаем, что последние 5 тыс. лет были временем непрерывных войн. А как обстояло дело “до истории”, в эпоху, о которой нет никаких письменных свидетельств? В статье кратко излагается история вопроса, оценивается потенциал источников, которые можно привлечь к его решению. Основное место отведено анализу археологических данных, проливающих свет на роль войны и вооруженного насилия на разных стадиях каменного века. Предполагается, что эта роль заметно возростала, как минимум, дважды: сначала в самом конце палеолита и в мезолите, а затем в позднем неолите, на рубеже каменного века и эпохи раннего металла.

Ключевые слова: война, доистория, каменный век, археология, этнография.

Vishnyatskiy L.B. War before history

Historical records leave no doubts that the recent 5 thousand years were the period of constant wars. As for the period "before history", for which no written records are available, the question is much more complicated. The paper briefly describes the history of the problem, assesses the potential of different kinds of materials relevant to its consideration, while the main focus is made on the analysis of archaeological evidence shedding light on the role of warfare and armed violence at different stages of the Stone Age. This role seems to have increased first at the very end of the Paleolithic and during the Mesolithic ages and then in the Late Neolithic age at the turn of the Stone and Early Metal Ages.

Key words: warfare, prehistory, Stone Age, archaeology, ethnography.

Попов Н.П. Авторитарная личность в США и России: сдвиги за четверть века

Статья продолжает исследование авторитарного типа личности, выявленного Т. Адорно и описанного в классическом труде "Авторитарная личность". Автор проводит сравнение своих последних эмпирических исследований с работой, опубликованной в журнале "Человек" в 1990 г. Делается вывод, что российское общество пока еще далеко от толерантности. Рост национального самосознания, патриотических настроений не могут полностью компенсировать неприятие "инаковости", которое в условиях увеличения социальной поляризации общества, этнической миграции приобретают новые формы.

Ключевые слова: авторитарная личность, авторитаризм, этноцентризм, Т. Адорно, предрассудки, аутгруппы, подчинение, агрессия, толерантность.

Popov N. P. Authoritarian personality in the United States and Russia: shifts in a quarter century

The article continues the study of the authoritarian personality identified by T. Adorno and described in his classic work "The Authoritarian personality". The author compares his empirical research with the work published in the journal "Chelovek" in 1990, building on the results of his public opinion polls and surveys by sociological research centers. The results demonstrate the prevalence of authoritarian and ethnocentric syndromes in society.

Key words: authoritarian personality, authoritarianism, ethnocentrism, T. Adorno, prejudice, outgroup, conformity, aggression and tolerance.

Петров В.Е. Экзистенция праздности

Рассматриваются экзистенциальные измерения праздности как сложного и противоречивого социально-культурного феномена. Обосновываются возможность творческого самосовершенствования и социально-духовной элитизации человека через контролируемое осуществление определенных практик праздности, а также перспектива личностной депривации при негативных сценариях праздного бытия. Анализируется коммуникативный характер праздности, ее протестный потенциал.

Ключевые слова: праздность, экзистенция, элитизация, депривация, сообщество, протест.

Petrov V.E. Existence of idleness

The article is devoted to existential dimensions of idleness as complicated and controversial sociocultural phenomenon. The possibility of creative self-improvement and social and spiritual elitisation of a person by means of certain controlled practices of idleness is funded as well as the prospect of personal deprivation undergoing negative scenarios of idle existence. Communicative character of idleness and its protest potential are analyzed as well.

Key words: idleness, existence, elitisation, deprivation, community, protest.

Зарецкий Ю.П. Рассказы о себе в России XVIII века как социальные практики. (Опыт построения классификации)

Осмысление и систематизация русских автобиографических рассказов XVIII века представляет большие трудности: как и западноевропейские, они сильно отличаются друг от друга по содержанию, а также по форме, размеру и стилю. Наиболее распространенной является их литературоведческая классификация, основанная на принадлежности текстов к тому или иному жанру (автобиография, дневник, мемуары, письмо, путевые заметки). Одновременно используется и другая, в основе которой лежит принадлежность авторов к той или иной социальной страте (государственный деятель, генерал, княгиня, дворянка, купец, помещик, священник, чиновник, крестьянин). Обе классификации малоинформативны. Первая не принимает во внимание громадный корпус до сих пор малоизученных сочинений, не обладающих значимой литературно-эстетической ценностью. У второй социальная принадлежность авторов не имеет прямой связи с формой создававшихся ими нарративов (дворянка или чиновник, например, могли создавать как дневники, так и автобиографии, путевые заметки и т.д.). В статье обосновывается возможность систематизации русских личных свидетельств XVIII века, основанной на рассмотрении их как коммуникативных актов, укорененных в тех или иных ситуациях социальной действительности. Делается вывод: поскольку данные коммуникативные акты в большинстве случаев были однотипными и повторяющимися, то порожденные ими нарративы могут быть представлены как результаты определенных социальных практик — как новых для России XVIII века, так и прежних, получивших в это столетие дальнейшее развитие.

Ключевые слова: автобиография, русская литература XVIII века, Россия и Европа, история культуры.

Zaretskiy Yu.P. 18th century Russian autobiographical stories as social practices: An attempt in classification building

Reflection and systematization of the 18th century Russian autobiographical stories presents great difficulties: as well as Western European ones, they differ great by from each other in their content, as well as in the form, the size and style. The most common classification is their literary classification based their belonging to some or other genre (autobiography, diary, memoirs, letters, traveling notes). Another classification is based on the authors belonging to this or that social stratum. Both classifications provide little information. The first one doesn't take into account the enormous body of still poorly studied writings of little or no literary and aesthetic value. As for the second one, the social affiliation of the authors have no direct relationship with the shape of narratives they created (a noble or an official, for example, could create both diaries and autobiographies, travel notes, etc.). The possibility of the systematization of the Russian personal testimonies of the 18th century based on their considering as communicative acts rooted in these or those situations of social reality is substantiated. The conclusion is drawn: as these communicative acts in most cases were of the same type and were recurring, one may consider the narratives generated by them as results of certain social the practices — both new for 18th century Russia, and previous ones that gained further development during that century.

Key words: autobiography, Russian literature of the 18th century, Russia and Europe, cultural history.

Матвеева И.Ю. Толстой. Репин. От портрета к мифу

Статья посвящена работе И.Е. Репина над портретом Л.Н. Толстого, который был впервые выставлен на XXIX Передвижной выставке в 1901 г. Портрет вызвал горячие споры современников об искусстве и значении Л.Н. Толстого в русской культуре начала XX века. Материалом для статьи стали воспоминания И.Е. Репина о Л.Н. Толстом, переписка художника с В.В. Стасовым, П.М. Треть-

яковым, а также рецензии и отклики современников, появившиеся в периодической печати.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, И.Е. Репин, русская живопись, портрет, Передвижная выставка.

Matveeva I.Yu. Tolstoy. Repin/ From the portrait to the myth

The article is about the work by I.E. Repin on L.N. Tolstoy's portrait, which was firstly shown at the XXIX Travelling exhibition in 1901. The portrait caused hot disputes on the art, on the importance of L.N. Tolstoy for the Russian culture of the early XX century. Memoirs by I.E. Repin about L.N. Tolstoy, the painter's correspondence with V.V. Stasov, P.M. Tretyakov, reviews and responses of his contemporaries in the periodicals were used as the material for this article.

Key words: L.N. Tolstoy; I.E. Repin, Russian painting, portrait, exhibition of the Peredvizhniki.

Кравченко В.И. Росчерк пера: case study или психологический нарратив

Автор предлагает исследование личностных качеств человека посредством графологического анализа почерка. Выделено семь типов личности, признаки каждого из которых прослеживаются в особенностях почерка. Рассмотрена история и некоторые важные результаты его исследования.

Ключевые слова: Почерк, типы личности, психологическая конфигурация типов личности, начертание букв.

Kravchenko V.I. A stroke of a pen: A case study or psychological narrative

The author presents a study of individual's personal qualities via graphological analysis of handwriting. Seven personality types are identified, signs of each of them can be traced in handwriting features. The history and some important results of his research are described.

Keywords: handwriting, man, sign, science, graphology, letter, size, slope, character, charisma, personality, rigor, balance, jealousy, tenderness.

Кулькин А.И. Неизвестный, Данте и Достоевский

Публикуются воспоминания сотрудника издательства "Наука" Анатолия Михайловича Кулькина (1928-2014), посвященные работе художника и скульптура Эрнста Неизвестного над иллюстрациями к произведениям Данте и Достоевского (конец 1960-х годов). Особое внимание уделяется противостоянию прогрессивно настроенной интеллигенции идеологической цензуре. В приложении публикуются письма известных ученых, деятелей культуры в поддержку выпуска книги "Достоевский Ф.М. Преступление и наказание" в серии "Литературные памятники" с иллюстрациями Э. Неизвестного.

Ключевые слова: история Академии наук, книжное дело, шестидесятники, интеллигенция и власть

Kulkin A.I. Neizvestniy, Dante and Dostoevsky

The memoirs of the former Nauka Publishers officer Anatoliy Mikhailovich Kulkin are published that deal with the work by the artist and sculptor Ernst Neizvestniy illustrating wrings by Dante and Dostoevsky. A special attention is given to opposing of progressive-minded intelligencia against ideological censorship. In the Annex the letters by well-known scientists and cultural figures in support of publication of "Crime and punishment" by Dostoevsky illustrated by E. Neizvestniy in the "Literary monuments" serial.

Key words: Academy of Sciences history, book industry, people of the sixties, intelligencia and the power

Science of Man: Theory, History, Method

- Evolution: vector and trajectories**
A.A. Pelipenko 5
- Genes of Forgotten Ancestors**
E.Ya. Tetushkin 18
- Transdisciplinarity in the philosophy and in the science:
A round-table** 33

Humanitarian Perspectives

- “Genetization” of society: technologies and interests**
E.S. Bogomyakova 45

Where from and Where to?

- War before history**
L.B. Vishnyatskiy 59
- Authoritarian personality in the United States
and Russia: shifts in a quarter century**
N. P. Popov 75
- Existence of idleness**
V.E. Petrov 86

The Measure of All Sciences

- 18th century Russian autobiographical
stories as social practices:
An attempt in classification building**
Yu.P. Zaretskiy 103

From the Treasuries of Culture

- Tolstoy. Repin. From the portrait to the myth**
I.Yu. Matveeva 116

TENTS

The Human Face

A stroke of a pen: A case study or psychological narrative

130 *V.I. Kravchenko*

The Fate

144 **In defiance of taboos**

Neizvestniy, Dante and Dostoevsky

145 *A.M. Kul'kin*

162 **The letters to the Academy of Sciences**

Humanitarian Chronicle

Institutional and existential outlines of the choice

165 *S.M. Malkov*

Turning over the Fresh Pages

Theses on Subject-matter of philosophy Passion (1954–1955) / E.A. Illesh, author-compiler. M., 2016

173 *S.N. Korsakov*

Pronin A.M. Existentia: Chernobyl forgotten. Liquidator's sketches M., 2016

178 *A.A. Voronin*

85 **The new books**

182 **The index of the articles published in 2016**

185 **Annotations and key words of published articles**

192 **To our authors. New rules of designing the articles**

На первой
странице обложки
фрагмент
парадного портрета
А.В. Суворова
художника
К.К. Штейбена
1815

На четвертой —
работа художника
И.Е. Репина
“Л.Н. Толстой
на молитве”
1901